

Русские источники
в исторической публицистике К. Малапарте
(на материале биографии Ленина)

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются русские источники, которые использовал Курцио Малапарте в своей биографии В. Ленина (1932). В частности, итальянский писатель привлекал историческую публицистику Л. Троцкого, а также сопоставлял Ленина с героями русского классического романа (Ф. Достоевский, И. Гончаров, Л. Толстой). Цель обращения к русским источникам состояла не только в поиске фактов, но и в создании оригинального образа Ленина – как представителя национального характера и как типичного европейского буржуа.

Ключевые слова: историческая публицистика, биографический жанр, русский классический роман, К. Малапарте, В. Ленин, Л. Троцкий

Для цитирования: Одесский М.П. Русские источники в исторической публицистике К. Малапарте (на материале биографии Ленина) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10. С. 43–51. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-43-51

Russian sources in C. Malaparte's historical journalism
(based on Lenin's biography)

Mikhail P. Odesskiy

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the Russian sources used by Curzio Malaparte in his biography of V. Lenin (1932). In particular, the Italian writer attracted the historical journalism of L. Trotsky and also compared Lenin with the heroes of the Russian classic novel (F. Dostoevsky, I. Goncharov, L. Tolstoy). The purpose of the appeal to Russian sources was not only to find facts, but also to create an original image of Lenin – as a representative of the national character and as a typical European bourgeois.

Keywords: historical journalism, biographical genre, Russian classic novel, C. Malaparte, V. Lenin, L. Trotsky

For citation: Odesskiy, M.P. (2021), “Russian sources in C. Malaparte’s historical journalism (based on Lenin’s biography)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 43–51, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-43-51

В мае 1929 г. Курцио Малапарте (Курт Эрих Зуккерт, 1898–1957) – писатель и журналист, главный редактор туринской газеты “La Stampa” – посетил СССР; визит, впоследствии ставший основой знаменитого неоконченного романа-травелога «Бал в Кремле», был официально мотивирован поиском необходимых материалов для написания биографии Ленина. После возвращения Малапарте действительно опубликовал несколько книг, где использовал собранный материал: теоретическое сочинение «Осмысление Ленина» (“Intelligenza di Lenin”, Милан, 1930), составленное из статей для газеты “La Stampa”; исследование-памфлет «Техника государственного переворота» (во французском переводе, Париж, 1931; по-итальянски издан в 1948 г., после падения Муссолини); наконец, биография Ленина (во французском переводе – 1932 г.; в 1962 г. оригинал издан по автографу, хранившемуся в архиве писателя¹). Планировался своего рода диптих вместе с биографией Муссолини: фашистский лидер должен был представлять итальянский национальный характер, коммунистический – русский национальный характер, а фоном и основанием для сравнения двух диктаторов выступал бы парадигматический Наполеон². Однако написание биографии дуче оказалось сопряжено для итальянского писателя с предсказуемыми политическими трудностями, и он осторожно ограничился Лениным (по свидетельству Малапарте, это вызвало недовольство Муссолини³), к тому же опубликовав книгу не в Италии, а во Франции.

Принадлежавшая к популярному в те годы жанру беллетризованной биографии политического деятеля, который тогда активно развивался Эмилем Людвигом, книга о Ленине предполагала как обращение к историческим фактам, так и открыто публицистическую составляющую, что обуславливало и активное личное при-

¹ См.: *Malaparte C. Lenin buonanima / A cura di E. Falqui*. Firenze: Vallecchi, 1962.

² *Malaparte C. Lenin buonanima / A cura di M. Bricchi*. Milano: Adelphi Edizioni, 2018. P. 283–289.

³ *Ibid.* P. 288–289.

сутствие в тексте, и оригинальный монтаж цитат, и сгущенность аллюзий.

Во введении Малапарте указал, какие привлекал материалы: это книги журналиста Пьера Лафю, историка Пьера Шаля⁴, «Россия во мгле» (1921) Герберта Уэллса, эссе «Беглый взгляд на Россию» (1925) экономиста Джона Кейнса, а кроме того, анонимные собеседники, с которыми автору довелось встречаться в Москве и Ленинграде⁵. Соответственно, цель данной работы – установление русских источников итальянской биографии Ленина и анализ их публицистической функции.

* * *

Малапарте не назвал свои русские источники, но, разумеется, привлекал их и пространно цитировал в тексте (в итальянской рукописи они даны на французском языке, что понятно: писатель не знал русского и нуждался здесь в помощи переводчиков). Среди них – сочинения самого Ленина, а также партийных мемуаристов и «Плутархов»: Г. Зиновьева, А. Луначарского, Е. Ярославского и прежде всего – Л. Троцкого⁶.

Обращение к текстам уже опального в СССР революционного вождя, в частности, проясняет чрезвычайно сложное для интерпретации заглавие биографической книги Малапарте: во французской версии – “Le bonhomme Lénine”, в итальянской – “Lenin buonanima”⁷. Французское слово “bonhomme” означает «хороший человек, добряк» и одновременно – «наивный человек, простак» (“Jacques Bonhomme”, Жак-Простак – прозвище крестьян в средневековой Франции, отсюда, кстати, дериват с бунтовским значением – «Жакерия», название масштабного крестьянского восстания XIV в.); на итальянском языке ближайший аналог (семантически и морфологически) – слово “buonuomo”, однако для итальянской версии заглавия Малапарте выбрал другое слово – “buonanima”, т. е. «покойный» (применительно к человеку почитаемому и любимому). Для распутывания этих смысловых хитросплетений знаменательно, что в финальной главе книги – «Снова жертва здравого смысла» – Малапарте прямо указал авторство заимствованной

⁴ *Lafue P. Lénine ou Le mouvement. Paris: Éditions Prométhée, 1930; Charles P. La vie de Lénine. Paris: Plon, 1929.*

⁵ *Malaparte C. Lenin buonanima / A cura di E. Alqui. P. 13; далее ссылки на это издание даются в тексте статьи, с указанием страницы в скобках.*

⁶ *Троцкий Л. О Ленине: материалы для биографа. М.: Гос. изд-во, 1924; переиздавалась.*

⁷ См.: *Malaparte C. Lenin buonanima / A cura di M. Bricchi. P. 293–294.*

им дефиниции Ленина, и это – Троцкий (р. 361). Например, Малапарте пишет, цитируя Троцкого (напомню: по-французски), что, критикуя товарищей-коммунистов, Ленин тем не менее сохранял – “une nuance soudaine de bonhomie” (р. 361), в русском оригинале – «сердтейшая тирада принимает неожиданно оттенок добродушия» (в обеих цитатах подчеркивание мое. – М. О.)⁸. А значит, соотнесенность французского “bonhomie” с русским «добродушием» помогает понять выбор “buonanima” в итальянском варианте: если семантически это – «покойный», то формально-морфологически “buon-anima” – «добро-душие». То есть позволительно предположить, что итальянское слово “buonanima” содержит языковую игру («почтенный покойник»/«добродушный человек»), подразумевающую острый диалог с Троцким – сквозную константу творчества Малапарте.

Дефиниция “bonhomme”/“buonanima” эффективно символизирует парадокс, который призван шокировать западного читателя: тот ожидает найти в Ленине «монстра», «чужого», Чингисхана или пророка Магомета, а получает – «добряка, простака, добродушного человека». По Малапарте, разрешение парадокса заключается в том, что Ленин – буржуа-европеец, флоберовский господин Бовари: так и следует – при всех семантических сложностях – интерпретировать заглавие и основную идею книги. Этот парадокс приводит к следующему парадоксу.

Поскольку Ленин – европейский тип, «свой», постольку он и опасен Западу:

Среди опасностей, которые угрожают современной Европе, самая тяжелая – тот буржуазный дух, из которого исходит логика, управляющая жизнью и революционными трудами Ленина: тот дух фанатизма, который на протяжении трех столетий обнаруживается у истоков всех революций, всех моральных, политических и интеллектуальных происшествий в Европе. Можно сказать: чтобы стать тем, кого называют монстром, необходимое условие – быть мелким буржуа (р. 12–13).

Одновременно Малапарте ищет в Ленине черты русского национального характера: вождь Октябрьской революции – “un vero mugiko” (р. 23), «настоящий мужик», крестьянин. Показательно, что и в этом неочевидном утверждении итальянский писатель опирается на авторитет Троцкого, писавшего в 1920 г.: «У этого самого беспорного из вождей пролетариата не только мужицкая внеш-

⁸ *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции / Сост. Н.А. Васецкий. М.: Политиздат, 1990. С. 230.

ность, но и крепкая мужицкая подоплека»⁹. Однако если Троцкий стремился акцентировать органичность личности Ленина для российскийского рабочего движения, тесно связанного с крестьянством, то Малапарте – вообще для русской истории, где всегда первенствовали тираны, разбойники, самозванцы и где отсутствовала идея прав человека. По словам итальянского писателя, Россия была искони движима не желанием свободы, а страхом одиночества, питавшим коллективизм и «готовность к рабству» (р. 257). И Ленин в действительности сражался не за свободу, а за власть: Малапарте пишет, что слово «свобода» Ленин произносил, смеясь и сощурив глаза, а в 1917 г. солдатам он обещал не свободу, но месть и мир, крестьянам – не свободу, но месть и землю, рабочим – не свободу, но месть и власть (р. 261–262).

Тем не менее “un vero mugiko” Ленин – радикал европейского типа. Он, подобно Робеспьеру, провинциальный адвокат, который явился «из Казани, Монако, Женевы, Лондона и с улицы Мари-Роз, 4 из Парижа» (р. 176). Мотор, заставлявший циркулировать в нем кровь, – не сердце, а мозг (р. 76–77). Для него – брата повешенного террориста – главным в освободительном движении было не участие или руководство вооруженными акциями и забастовками, а их теоретическое осмысление. В понимании Ленина победоносная революция = торжество безошибочной теории Маркса = диктатура партии большевиков = личная власть партийного вождя-диктатора. Отсюда – стремление к комфорту не как роскоши, а как к необходимому условию теоретико-литературной работы. Отсюда – жестокость как реализация не монструозных страстей, а чистоты абстрактной мысли: «Ненависть была у него не чувство и не расчет. Это была – идея» (р. 329). Даже знаменитая способность Ленина к непредсказуемым тактическим импровизациям, именуемая Малапарте «оппортунизмом», оказывается свойством мелкого буржуа: это – вслед за Лютером, Кромвелем, Робеспьером – оборотная сторона фанатизма, которая выражается в мастерстве компромисса (р. 140). Именно «посредственность гения и характера» (*la mediocrità del genio e del carattere*), отличительная для теоретизирующего мелкого буржуа, позволила Ленину спасти большевистскую революцию: где проиграли титаны Цезарь, Кромвель, Наполеон – там Ленин победил (р. 363). Вспоминая посещение московского Мавзолея, Малапарте подвел итог биографии Ленина-Бовари:

Неполных 54 года: этот честный функционер беспорядка даже не дожил до пенсионного срока. Какая жестокая судьба постигла мелко-

⁹ Там же. С. 235.

го буржуа, отклонившегося на революционную тропу! Но Владимир Ильич дремлет с улыбкой: все его бумаги в порядке, совесть спокойна (р. 370).

Свою публицистическую концепцию Малапарте не просто афористически формулирует или подкрепляет фактами, но, будучи писателем, расцветчивает аллюзиями на русскую литературу. Эти литературные аллюзии можно разделить на три вида: топографические («туристическое» опознавание литературных топосов Москвы и Ленинграда); национальные (соотнесение литературных персонажей с реальными русскими людьми); мировоззренческие (диалог с русскими классиками).

В главе «Брат повешенного» Малапарте, ссылаясь на собственные впечатления 1929 г., рассказывает, как с неким рабочим «Ивановым» (?) гулял в окрестностях Сенной площади. Там жил Ф. Достоевский, когда сочинял роман о Раскольникове (точно назван правильный адрес: Столярный переулок, 14), там жил Обломов (Гороховая улица) и там же в 1893–1895 гг. жил юный Владимир Ульянов, принимавший тогда участие в революционной борьбе рабочего класса (р. 55–57).

Чисто топографическое соположение литературных имен может быть развернуто в несколько идеологических мотивов.

Имя Раскольникова вводит мотив революционной крови, от реальности которой на протяжении всей жизни Ленин сторонился. В 1917 г. истинным героем революции, человеком дела предстает вождь моряков-повстанцев Федор Ильин, известный под партийным псевдонимом «Раскольников»: «Какое предопределение!» – комментирует Малапарте (р. 319). Напротив, вождь всей партии большевиков настолько далек от действия, от хода восстания, что испытывает головокружение: «Вождь, диктатор, триумфатор – это он, добряк (bonhomme) Ленин. Теперь государство – это он. Кружится голова, сказал он по-немецки: es schwindelt, – и сделал вращательное движение рукой возле головы» (р. 323; в текст опять вмонтирована цитата из Троцкого).

Далее: в книге Малапарте амбивалентным двойником Ленина выступает Обломов, немой свидетель всей истории России (р. 20). Оба воплощают тип прячущегося от практического действия русского «мелкого буржуа» (Малапарте цитирует шутку, что у Ленина и Обломова одинаковое отчество – «Ильич» (р. 55)¹⁰), и даже в ожесточенной борьбе за заключение унижительного Брестского

¹⁰ Ср. в «Даре» В. Набокова: «Россию погубили два Ильича» (*Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1990. С. 66*).

мира итальянский писатель видит не тактический маневр Ленина, но искреннюю попытку сохранить самое главное – комфортное теоретизирование, достойное истинного Обломова (р. 346–347).

Забастовку, организованную государственными служащими после захвата власти большевиками, Малапарте назвал восстанием Обломова против Ленина:

Обломов – это протагонист знаменитого романа Гончарова, герой, представляющий лень, инертность и фатализм русской буржуазии. И вот впервые во всей русской истории Обломов принял решение, решил что-либо сделать... (р. 330).

Это развернутое сравнение итальянский писатель сопровождает разительной ремаркой: «В глубине сердца Владимир Ильич их понимал» (р. 332).

Вместе с тем Ленин – антипод Обломова. Один из эпиграфов к книге Малапарте – высказывание Ленина: «Миссия моей жизни – сражаться с Обломовым». Эти слова, которые должны выражать стремление трансформировать «обломовскую» Россию, представляют собой свободный пересказ программной речи «О международном и внутреннем положении советской республики», произнесенной Лениным 6 марта 1922 г. на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов:

Был такой тип русской жизни – Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени. Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел. <...> От этого врага мы должны очиститься и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся. Против этого врага и против этой бестолковщины и обломовщины вся беспартийная рабоче-крестьянская масса пойдет поголовно за передовым отрядом коммунистической партии. На этот счет никаких колебаний быть не может¹¹.

То есть у Малапарте Ленин – русский мелкий буржуа – борец с Обломовым и одновременно сам носитель черт Обломова.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М.: Изд-во полит. лит., 1970. С. 13, 15.

Продолжая в главе «Брат повешенного» описание прогулок (своих и Ленина) вокруг Сенной, Малапарте помещает в один ряд убийственные теории Раскольникова и Аркольский мост юного Наполеона, о повторении батального подвига которого мечтает князь Андрей Болконский в «Войне и мире» Льва Толстого. По Малапарте, Раскольников и Наполеон – образцы, от которых, несмотря на патетическое очарование, Ленин отказался и выбрал другой путь – путь мелкого буржуа и функционера, посредством кабинетной теории укрощающего беспорядок. Потому – следуя логике романа Толстого – Ленин предпочитает не Наполеона, а его победителя Кутузова. С сомнительной ссылкой на того же своего провожатого рабочего «Иванова» Малапарте представляет странную сцену 1918 г. (р. 58): толпа восторженно приветствовала Ленина и называла его Наполеоном (?!); он повернулся к Троцкому и спросил: «Правда, что я похож на Наполеона?»; «Но и не на Кутузова», – ответил иронически-мечтательно Троцкий. Даже ленинскую идею восстания-науки итальянский писатель возводит к размышлениям Андрея Болконского (р. 153), считая боевые дружины (к формированию которых Ленин призывал во время революции 1905 г.) синтезом пролетарской революции с воспетыми Толстым партизанами (р. 164–165), а знаменитый компромиссный НЭП – применением тактики Кутузова, когда в ситуации невозможности дать решительное сражение капитализму Ленин выбрал отступление (р. 354). Интерпретацию русской литературы в зеркале Ленина суммирует афоризм Малапарте из финальной главы: «Было что-то от Кутузова в Обломове» (р. 330).

Наконец, русские источники позволяют оценить столь волновавшую Малапарте проблему запрещенного Бога, которая тоже присутствует в биографии Ленина. В главе, посвященной парижской эмиграции, Малапарте анализирует трактат Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», созданный в полемике с так называемыми «богостроителями» (Луначарский и другие большевики). С философской точки зрения трактат пренебрежительно охарактеризован итальянским писателем как очередная попытка политически ангажированного теоретизирования – как «самая курьезная философская авантюра, какую только можно представить» (р. 181), однако в спиритуальном плане Малапарте видит здесь «борьбу Иакова с ангелом» (р. 181) – восстание Ленина против Бога. При таком подходе локальная дискуссия внутри большевистской партии получает глубинное измерение в универсальном контексте осмысления Бога в современном мире. В финале книги Малапарте вспоминает, как в 1929 г. он спросил

в Мавзолею своего гида, коммуниста-рабочего, зачем бальзамировали Ленина, и получил формульный ответ: «Мы не верим в бессмертие души» (р. 371).

* * *

Итак, разнообразные русские источники – сочинения Ленина и Троцкого, классический роман XIX в. – не перечисляются и не комментируются в книге Малапарте по причине именно очевидности широкого обращения к ним. Их диалогическое использование включено в самую суть публицистического послания итальянского писателя: от интерпретации русской революции и личности ее вождя – до размышлений о Боге и современном человеке.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; modessky@mail.ru